

Глава 29. Сладкие речи

— Взгляните, господа! Это «Гуаньсяюлу», созданный по подобию прославленного артефакта «Гуаньпинлу». Прочность его...

— Не нужно, — хором отрезала троица.

— Тогда посмотрите на это. Перед вами изделие из глазури...

Чи Фухань вскочил, с грохотом хлопнув ладонью по столу:

— Если еще раз помянешь свою паршивую глазурь, я разнесу твою лавку в щепки!

— Ох, смилуйтесь, господа, успокойтесь! — засуетился лавочник, пытаясь утихомирить гостя.

Про себя он недоумевал: эти юноши с виду — типичные отпрыски знатных родов, в таком возрасте им полагается падкость на всё яркое и вычурное. Как же они устояли перед искушением глазурных артефактов?

«Непростые клиенты», — заключил он.

Больше не тратя слов на пустую болтовню, приказчик громко откашлялся и хлопнул в ладоши. Тут же десяток подмастерьев вынесли нечто, напоминающее иссиня-черную стену. Это был самый тяжелый щит во всей мастерской Гунцзюэ.

— Прошу вашего внимания! Перед вами «Юньле Билу», щит из черного железа. На нем выгравировано триста шестьдесят пять защитных рун. И пусть весит он три тысячи цзиней, зато в миг опасности за ним можно укрыться даже от мастера стадии Постижения пустоты!

Это предложение заинтересовало друзей. Они обступили щит высотой в два человеческих роста, придирчиво его осматривая.

— Тяжелый. И крепкий, — признал один.

— Только уж больно уродливый, — добавил второй.

— И сколько же он стоит? — поинтересовался третий.

— Девятьсот девяносто девять кристаллов! — торжественно объявил лавочник.

У Чи Фуханя дернулся уголок рта:

— За эту страшила — тысячу кристаллов? Да тебе проще пойти и кого-нибудь ограбить!

Лавочник состроил невинную мину:

— Но это же наш лучший защитный артефакт! Вы ведь сами просили самый-самый-самый прочный?

Чи Фухань замялся.

— Ну... на самом деле, такая запредельная прочность ни к чему.

— Тогда что именно вы ищете?

— Чтобы вещь была изящной, красивой, но при этом не хрупкой. И цена не должна кусаться. Я с детства покупаюсь в Гунцзюэ, так что сделай мне скидку в пятьдесят процентов, и в следующий раз я снова приду к тебе.

Лавочник лишился дара речи.

У Линчань с любопытством шепнул Вэнь Цзюаньчжи:

— Что это с ним сегодня? Неужели так вошел во вкус, сбивая цену?

— Его артефакт разрушен, — тихо ответил Вэнь Цзюаньчжи. — Отец в ярости. Чи Фуханю перекрыли расходы на полгода, и теперь он... совершенно на мели.

У Линчань сочувственно промолчал.

В итоге, после долгих придинок, Чи Фухань наконец выбрал аршин для талисманов, выточенный из кристальной яшмовой сердцевины. Узкий, словно тонкий меч, украшенный костяными письменами, он сиял мягким светом, а по его поверхности плавно перетекали руны. Идеальная основа для его личной печати-подавителя.

— Две тысячи кристаллов, — осторожно произнес лавочник. — Обычный аршин стоит больше трех тысяч, это действительно предел. К тому же в Гунцзюэ не принято торговаться, я делаю исключение только для постоянного гостя.

Впрочем, приказчик лукавил: он просто никогда не видел клиента, который умудрялся бы менять по три артефакта за месяц.

Чи Фухань, заподозрив неладное, уже начал засучивать рукава, намереваясь уполовинить цену. У Линчань, видя, что бедный лавочник вот-вот расплатится, потянул друга за край одежды:

— Ладно тебе, сегодня плачу я. Убери свои чары, Чи Цюйцуй.

Чи Фухань задумчиво потер подбородок и предложил:

— Давай так: ты даешь мне две тысячи, а всё, что я выторгую, заберу себе? Как раз сэкономлю на другие нужды.

— Я дам тебе три тысячи, если мы немедленно всё оформим и пойдем домой, — отрезал У Линчань.

Чи Фухань величественно взмахнул рукой:

— Лавочник, принимай оплату!

У Линчань лишь вздохнул.

Приказчик, видя такую щедрость, едва не разрыдался от благодарности. Заметив, что юный господин Кунькунь одет изысканно и питает слабость к украшениям, он тут же преподнес ему в подарок два дорогих набора шпилек — вычурных, сияющих и невероятно красивых.

У Линчань с радостью принял подарок и уже потянулся за кольцом-хранилищем, чтобы расплатиться, как вдруг в глазах у него потемнело.

Мир завертелся волчком. Чи Фухань успел подхватить его, неистово тряся за плечи:

— Очнись! Приди в себя, Кунькунь! Что случилось?!

У Линчань, пребывая в полузабытьи, едва не растрогался от такой заботы, пока не услышал продолжение:

— ...Сначала заплати, а потом падай! Ты же не вздумал так изящно уйти от оплаты?!

У Линчань лишился слов.

Вэнь Цзюаньчжи попытался перехватить друга:

— У него жар, не тряси его так! Я сам заплачу...

У Линчаня мотало из стороны в сторону. Боясь, что Чи Фухань будет до конца жизни попрекать его этим «побегом», он из последних сил вытянул руку и всучил лавочнику кольцо с кристаллами:

— Плати... плати...

После всей этой суматохи Чи Фухань, довольный покупкой, нацепил У Линчаня себе на спину и поспешил в сторону дворца Даньцзю. Вэнь Цзюаньчжи, бережно неся украшения юного господина, семенил следом, не скрывая тревоги:

— Юный господин...

У Линчань, уткнувшись лицом в плечо Чи Фуханя, что-то невнятно бормотал от тряски. Лишь спустя время он смог выдать:

— Всё в порядке, не умру. Отнесите меня к А-сюну.

Вэнь Цзюаньчжи что-то ответил, но У Линчань уже не слышал. Ему лишь показалось, что его «скакун» по имени Чи стал бежать чуть ровнее.

Спустя вечность до слуха вновь донеслись голоса. Сильные руки подхватили его, снимая со спины Чи Фуханя. У Линчаня бережно прижали к груди, и знакомый аромат морозного инея и бамбуковых листьев окутал его со всех сторон.

А-сюн.

Мощная, но удивительно мягкая аура мастера стадии Постижения пустоты коснулась его тела. Бушующее Золотое ядро мгновенно притихло, словно решив притвориться мертвым.

К У Линчаню начало возвращаться сознание. В туманном забытии ему почудилось, что Чэнь Шэ уложил его на кровать и укрыл теплым одеялом.

«Постойте. Откуда на Террасе Бихань кровать?»

У Линчань резко открыл глаза. Последнее, что он помнил — как А-сюн опускает его на ложе, но теперь, взглянув в окно, он увидел, что наступила ночь.

Ощущение обжигающего жара было слишком мучительным, и У Линчань твердо решил: пока Золотое ядро не стабилизируется или он не прорвется к стадии Зарождающейся души, он ни на

шаг не отойдет от брата.

Опершись на руки, он сел и огляделся, застыв в изумлении.

Прежде Терраса Бихань напоминала ледяной склеп. Каждый раз, приходя сюда, У Линчань дрожал от холода. Кроме нефритового помоста во внутреннем зале и скромной обители, где А-сюн пил чай и играл на цитре, отделенной резной ширмой из наньму, всё остальное пространство было покрыто инеем и лишено всякого уюта.

Но сегодня лед в покоех исчез. Здесь появилась кровать с резным кленовым узором, изящные столики и кушетки — всё выглядело благородно и обжито. Даже на стенах были вырезаны руны, отгоняющие холод. В комнате царило тепло, словно весной.

У Линчань недоуменно склонил голову набок. Брат всегда медитировал на нефритовом помосте, с чего бы ему вдруг обустроить спальню?

В зале стояла тишина. У Линчань поднялся и направился к помосту, надеясь найти Чэнь Шэ. Стоило ему выйти из спальни, как он заметил колыхание снежной кисеи. До него донеслись голоса Чэнь Шэ и Сюнь Е, перемежающиеся невнятными стонами.

Любопытство взяло верх. Подойдя ближе, он наконец разобрал слова.

— ...Судя по воспоминаниям после поиска души, этот человек лишь кажется благопристойным. На деле же он совершил немало подлостей в отношении юного господина, особенно в тот год, когда тот лишился сил. За содеянное его и смерти будет мало.

— Хм.

— А этот Мэн Пин... весь Пик Сяолёу — сборище лицемеров.

У Линчань замер в замешательстве, как вдруг Чэнь Шэ мягко позвал его:

— Кунькунь?

У Линчань не чувствовал неловкости от того, что его поймали за подслушиванием. Он вприпрыжку подбежал к ним:

— А-сюн, вы тут... Ой.

У подножия помоста лежал человек, едва дышащий. Присмотревшись, У Линчань узнал в нем старейшину Мэна. Он удивленно моргнул. Цзинхуэй говорил, что его светильник души вот-вот

погаснет, а он, оказывается, еще жив?

У Линчань не умел скрывать мысли и спросил прямо:

— А-сюн, зачем ты притащил его сюда?

Чэнь Шэ холодно ответил:

— Большинство тех, кто входил на Пик Сяолёу, чтобы поглумиться над тобой после потери сил, делали это с его молчаливого согласия.

У Линчань опешил.

Насильственный поиск в море сознания наносит сокрушительный удар по рассудку. За последние полмесяца старейшина Мэн постарел на глазах. Пребывая в полузабытьи, он, видимо, почуял близость конца и в отчаянном порыве вцепился в край одежд стоящего перед ним человека.

— Лин... Линчань...

У Линчань остановился и присел перед ним на корточки. На его лице не было и тени злобы:

— Что такое, старейшина Мэн?

Старейшина был чисто вымыт, но его глаза затуманились, а голос охрип. Было ясно, что он перенес немало мук, и теперь его речь была бессвязной:

— Если бы не я... если бы я не разглядел твой талант, глава ордена никогда бы не приютил тебя! Это я спас тебе жизнь! Ты не можешь быть неблагодарным! Ты не должен... Всё, что они говорят — ложь! Разве в словах демонов есть хоть капля правды?! Ты — ученик Пика Сяолёу, глава возлагал на тебя такие надежды...

Чэнь Шэ нахмурился. Сюнь Е, заметив реакцию владыки, понял, что старик несет опасную чушь, и его большой палец с лязгом вытолкнул клинок из ножен на полвершка.

У Линчань же проявил ангельское терпение, продолжая слушать безумный лепет. Узы ослабления сердца по-прежнему приносили лишь тепло весеннего ветра, без малейшего намека на холод. Его настроение оставалось прекрасным; казалось, эти бредовые речи даже вызвали в его душе некую мягкую грусть.

Лицо Чэнь Шэ потемнело.

— Кунькунь, — внезапно произнес он.

У Линчань, собиравшийся и дальше внимательно слушать, тут же вскочил и подбежал к брату:

— А-сюн, А-сюн, А-сюн!

Чэнь Шэ взял его за запястье и усадил рядом с собой. Глядя на его беззаботную улыбку и чистый, лишенный тени обиды взгляд, направленный на старейшину Мэна, владыка ощутил глухое раздражение. Любой другой на его месте, пройдя через такие унижения, не смог бы сдерживать ненависти.

«У Кунькунь вырос среди праведников. Он не научился их лицемерию, зато впитал их мягкотелость до самого костного мозга».

В Тайном царстве Байцзан он пощадил Мэн Бучжао, а теперь проявляет жалость к этому погрязшему в грехах старику. Пришло время подтолкнуть его, показать, как на самом деле ведут дела демоны.

Подавив вспышку ярости, Чэнь Шэ нежно поправил растрепавшиеся волосы У Линчаня, но в его голосе впервые прозвучала беспощадная, ледяная властность:

— Раз он причинил тебе столько зла, Кунькунь, убей его. Своими руками. И тогда я обещаю, что отомщу за тебя — я сотру весь Пик Сяолёу с лица земли.

У Линчань замер. Чэнь Шэ редко использовал такие методы давления, это было почти принуждение. На Террасе Бихань воцарилась мертвая тишина. Все ждали, что ответит юный господин.

В этот миг яркий солнечный луч пробился сквозь окно и упал прямо на У Линчаня. Тот прищурился и с сияющей улыбкой взглянул на Чэнь Шэ:

— Неужели правда? А-сюн, ты такой добрый! Ты и впрямь лучший человек на свете!

И самому прикончить старейшину Мэна, и уничтожить Пик Сяолёу — какая удача, одним ударом двух зайцев!

Чэнь Шэ: «...»

Сюнь Е: «...»

И это тот самый «мягкотелый» юный господин, о котором говорил Владыка?

Чэнь Шэ не ожидал такой реакции. Помолчав, он спросил:

— Ты не станешь просить за него? Почему же тогда ты так терпеливо его слушал?

— Всё равно он долго не протянет. Говорят же, что перед смертью люди становятся искреннее. Послушать — невелика потеря.

У Линчань ласково прильнул к плечу Чэнь Шэ. Солнечный свет в его глазах был ослепительно ярким. Чэнь Шэ, сидевший в тени, едва не зажмурился от блеска его украшений.

— Ты не ненавидишь его? — снова спросил Чэнь Шэ.

— Не ненавижу, он мне просто противен. Но я помню всё, что он сделал, — У Линчань принялся загибать пальцы. — Вообще-то я планировал разобраться с ним, когда достигну стадии Зарождающейся души. А после Трансформации духа — заняться учителем, захватить Пик Сяолёу и самому стать главой. А когда дойду до Постижения пустоты — побороться за место главы Союза Бессмертных и стать самым молодым вознесшимся в истории, чтобы слава обо мне жила в веках. Но Золотое ядро разбилось, и планы пришлось отложить.

Чэнь Шэ: «.....»

— Я думал, А-сюн его уже убил, и даже немного расстроился, — продолжал У Линчань. — А он, оказывается, жив. Я очень рад, что смогу сделать это сам.

Чэнь Шэ: «...»

Так вот чему он так радовался.

— А-сюн, — с надеждой в голосе спросил У Линчань, — а когда мы уничтожим Пик Сяолёу, я смогу стать там главным?

— ...Нет, — отрезал Чэнь Шэ.

— А? Почему?

Чэнь Шэ легонько щелкнул его по лбу:

— У Кунькунь, ты не забыл, что ты — юный господин Куньфу?

У Линчань надулся:

— Юный господин — это не так почетно, как Владыка демонов. Быть главой ордена куда величественнее.

Чэнь Шэ невольно улыбнулся:

— Можешь составить новый план: когда достигнешь Постижения пустоты, свергни брата и стань Владыкой Кунем в Куньфу.

— Как можно! — возмутился У Линчань. — А-сюн такой хороший, как я могу совершить подобное кощунство?! Ни за что!

Улыбка Чэнь Шэ медленно угасла. У Линчань действительно видел в нем одного из тех благородных мужей Союза Бессмертных, что проводят дни за чаем и цитрой.

У Линчань помнил каждую обиду, нанесенную ему. Он знал о делах старейшины Мэна, но никогда не позволял ненависти брать верх над собой — это было бы пустой тратой сил. Если его обижали, и он мог ответить — он отвечал. Если сил не хватало — он усердно тренировался, чтобы позже вернуть долг в десятикратном размере.

Сейчас его первая цель была на расстоянии вытянутой руки. У Линчань призвал чернильный след, превратив его в длинный нож, и уже собрался шагнуть вперед.

Чэнь Шэ внезапно перехватил его руку:

— Ты ведь хотел прорваться к стадии Зарождающейся души?

У Линчань удивленно посмотрел на него:

— Ну да. А что?

— В Куньфу есть один способ, — голос Чэнь Шэ стал вкрадчивым, в уголках глаз затаилась тень улыбки. — Он позволит тебе беспрепятственно войти в сферу Зарождающейся души. Одни лишь преимущества, никакого вреда.

У Линчань оживился:

— И что это за способ?

— Забрать чужую Зарождающуюся душу и сделать её своей, — произнес Чэнь Шэ.

У Линчань замер, переводя взгляд на старейшину Мэна. Тот не понимал сути их разговора, но,

почувяв смертельную угрозу, попытался отползти. Сюнь Е с бесстрастным лицом придавил его ногой к полу.

Старейшина всё еще пытался дотянуться до У Линчаня:

— Линчань! Если бы не Пик Сяолёу, ты бы давно погиб! Ты не можешь...

Сюнь Е, которому надоело это нытье, выхватил нож и пригвоздил руку старика к полу. Тот вскрикнул и затих.

Чэнь Шэ не сводил глаз с У Линчаня. Его духовное чутье, словно невидимые нити, оплетало юношу, позволяя контролировать каждое движение его души, каждую мимолетную мысль. У Линчань явно понимал, о чем идет речь. Его лицо оставалось спокойным, но Чэнь Шэ уловил едва заметную складку между его бровей.

...И волну отвращения, пришедшую через узы ослабления сердца.

На Террасе Бихань завывал ветер, отражая внутреннее неприятие У Линчаня. Чэнь Шэ опустил ресницы, горько усмехнувшись про себя.

«Конечно. У Линчань не такой, как я. Он не станет надевать человеческую шкуру, чтобы творить зверства, подобные хищнику. Теперь, когда он увидел мое истинное лицо, он больше никогда не посмотрит на меня с тем восхищением. Больше не назовет меня лучшим человеком на свете».

Пора было показать ему, насколько мрачным может быть Куньфу...

У Линчань брезгливо поморщился:

— Я не хочу его душу. Ни за что! А-сюн, ты только подумай: ему уже за двести, а он только-только дополз до Зарождающейся души. Если я заберу такую дрянь, вдруг мой рост замедлится? А мне еще нужно возглавить Список гениев!

Чэнь Шэ: «...»

Владыка поднял взгляд. Его духовная сила, словно язык призрачного зверя, дюйм за дюймом ощупывала черты лица У Линчаня, пытаясь найти хоть каплю притворства.

Его не было.

Лицо У Линчаня было открытым, он с надеждой смотрел на брата:

— Не надо его, А-сюн. Давай не будем брать его душу, ладно?

Через узы ослабления сердца по-прежнему шло сильное отторжение. Но направлено оно было вовсе не на Чэнь Шэ.

Владыка застыл, не в силах вымолвить ни слова. У Линчань, решив, что брат впал в медитацию, помахал ладонью перед его лицом:

— А-сюн? А-сюн, ты спишь?

Чэнь Шэ наконец обрел голос и тихо спросил:

— Ты... не считаешь этот метод жестоким?

У Линчань искренне удивился:

— Мы же демоны! Если уж мы можем использовать людей как сосуды для парного совершенствования, то что такого в том, чтобы забрать душу? А-сюн, ты всё-таки слишком добр, раз считаешь это жестокостью. Неудивительно, что старейшины вьют из тебя веревки.

Чэнь Шэ: «.....»

Сюнь Е: «...»

«Кто здесь добрый? Ха-ха».

Чэнь Шэ махнул рукой Сюнь Е, едва сдерживающему смех, чтобы тот ушел. Он не убрал свое духовное чутье, напротив, еще нежнее окутал им У Линчаня. Его голос стал еще мягче:

— Хорошо. Раз ты не хочешь, не будем.

У Линчань с облегчением выдохнул.

— Тогда как ты поступишь с ним? — спросил Чэнь Шэ.

У Линчань издал неопределенный звук. Его длинные одежды зашуршали по полу, когда он спустился с помоста и встал рядом со старейшиной Мэном. Тот пришел в себя и пробормотал:

— Я спас тебя...

— Да, — У Линчань склонился над ним. В его алых глазах не было ни злобы, ни торжества — лишь спокойное осознание своей правды. — То, что вы спасли меня, не дает вам права безнаказанно меня топтать.

Чэнь Шэ наблюдал за ним. Движения У Линчаня были точными, взгляд — безмятежным. В нем не было упоения местью, он просто делал то, что считал нужным.

Единственная капля крови брызнула на его щеку. Она казалась ярким мазком на безупречном лице, придавая его облику невыразимую, пугающую красоту.

Внезапно кончики пальцев Чэнь Шэ невольно дрогнули.

У Линчань твердо решил: стабилизировать Золотое ядро и как можно скорее прорваться к стадии Зарождающейся души. Никаких больше гулянок с Вэнь Цзюаньчжи и Чи Фуханем!

На следующий день Чи Фухань прислал весточку: «Я заменил руны на аршине своими личными печатями, теперь он в разы мощнее! Хочешь испытать?»

Вэнь Цзюаньчжи добавил: «Я наварил... много пилюль, есть и те... что укрепляют Золотое ядро. Юный господин... не желает отведать?»

У Линчань: «...»

Он сидел в кабинете на Террасе Бихань, задумчиво покусывая кончик кисти. Как же трудно выбрать!

Чэнь Шэ сидел напротив и писал. Заметив, что ноги У Линчаня под столом вот-вот окажутся у него на коленях, он даже не стал их отодвигать:

— Что такое?

У Линчань горестно вздохнул:

— Цюйцой и Цзюаньчжи зовут меня гулять.

Но стоило ему отойти от Чэнь Шэ, как тело начинало гореть, и наваливалась невыносимая слабость.

Чэнь Шэ вывел очередной иероглиф и небрежно бросил:

— Пусть приходят сюда, на Террасу Бихань.

Глаза У Линчаня вспыхнули:

— Отличная идея!

Он тут же принялся строчить ответ. Получив письмо, друзья долго не отвечали. У Линчань уже начал подозревать неладное и хотел было пойти проверить, как вдруг послышался голос Сюнь Е:

— Юный господин, Чи Шуан и Вэнь Гу прибыли.

У Линчань удивился: «Так быстро?»

Он поднял голову и увидел Чи Фуханя и Вэнь Цзюаньчжи, которые с крайне зажатым видом следовали за Сюнь Е. Едва переступив порог главного зала и увидев Владыку Чэня, величественно пишущего за столом, они оба задрожали:

— Приветствуем Владыку!

У Линчань, решив, что они дрожат от холода, заботливо вскочил и обулся:

— А-сюн, мы поиграем снаружи.

— Идите.

У Линчань схватил друзей за руки и потащил к выходу. Вэнь Цзюаньчжи, хоть и бывал на Террасе Бихань, никогда не заходил в боковые залы и не видел Владыку так близко. Он даже не успел толком рассмотреть его, как был утянут прочь. Чи Фухань и вовсе пытался вытянуть шею, заглядывая во внутренние покои.

Снаружи дул приятный ветерок. У Линчань с энтузиазмом принял боевую стойку:

— Ну что! Начнем! Сразимся!

Чи Фухань закатил глаза:

— Зачем мы так быстро ушли? Я даже Владыку не разглядел.

— Ну ты даешь, — фыркнул У Линчань. — Ты же так трясся при виде брата, что голос дрожал.

Я тебя спасал.

— Это было волнение! — возмутился Чи Фухань.

У Линчань подозрительно прищурился:

— С чего бы тебе волноваться при виде моего брата?

Чи Фухань: «...»

Вэнь Цзюаньчжи: «...»

Объяснять это У Кунькуню, который видит Владыку каждый день, было бесполезно.

Чи Фухань потерял интерес к поединку и проворчал:

— В конце следующего месяца мы отправляемся в Союз Бессмертных. Побереги силы для тех выскочек.

У Линчань удивился:

— Великое собрание в Пэнлае ведь в начале зимы, зачем ехать так рано?

— Семнадцать учеников Академии Сычжо отправляются в Пэнлай вместе с господином Сюнь Е. Путь на Бессмертном деревянном коршуне займет пять дней, плюс нужно время, чтобы обустроиться и привыкнуть к месту. Вылетаем на десять дней раньше.

У Линчань нахмурился:

— Почему с Сюнь Е? А-сюн не поедет?

Чи Фухань снова закатил глаза:

— Собрание в Пэнлае — это пустая суета. С чего бы Владыке туда ехать? То, что туда отправляется Сюнь Е — уже великая честь для этих стариканов из Союза.

У Линчань помрачнел. До отъезда чуть больше месяца, Золотое ядро не стабилизируется, и он не сможет оставить брата. Если Чэнь Шэ не поедет, значит, и он пропустит Собрание?

«Ну уж нет!»

— Пойду спрошу А-сюна, — решительно заявил он.

Чи Фухань фыркнул:

— Спрашивай сколько влезет. Владыка никогда не посещал эти собрания, с чего бы ему делать исключение сейчас?

У Линчань, не слушая, бросился во внутренние покои. Вэнь Цзюаньчжи, видя скептическую ухмылку друга, вдруг прищурился и с улыбкой предложил:

— Давай поспорим. Поедет Владыка или нет. Пятьсот кристаллов.

Чи Фухань, у которого вечно не хватало кристаллов на еду, тут же воодушевился:

— Идет! Ставлю на «нет»!

— Тогда я — на «да», — ответил Вэнь Цзюаньчжи.

Довольный Чи Фухань вместе с другом подошел к окну, чтобы подсмотреть за развязкой и дожидаться своих пятисот кристаллов. Изнутри донеслись голоса.

— А-сюн, ты правда не поедешь в Пэнлай?

— Нет.

— Ох... А я так хотел, чтобы ты увидел, как я завоюю титул и прослаблю Куньфу. Неужели тебе совсем не интересно?

Чи Фухань усмехнулся. Разве это аргумент? Ученики Сычжо и так прославят Куньфу!

Чэнь Шэ тоже рассмеялся:

— Ты действительно хочешь, чтобы я увидел твой триумф, или просто боишься остаться без моей помощи для Золотого ядра?

Чи Фухань злорадно хмыкнул. «Попался, хитрец! Владыку такими уловками не проведешь».

У Линчань даже не подумал отпираться:

— И то, и другое! Но главное — я хочу порадовать тебя своей победой. Если ты не хочешь смотреть, я лучше останусь в Куньфу с тобой и брошу этого Мэн Пина.

Чэнь Шэ тихо рассмеялся.

Чи Фухань шепнул Вэнь Цзюаньчжи:

— Подлиза. Владыка никогда не поведется на такие сладкие ре...

— Ладно, — с улыбкой произнес Чэнь Шэ. — Я поеду в Пэнлай и посмотрю, как ты станешь первым.

У Линчань торжествующе воскликнул:

— Хе-хе-хе! Вот увидишь, А-сюн, я тебя не подведу!

Чи Фухань: «.....»

Владыку нагло обвели вокруг пальца!

<http://bllate.org/book/16997/1587057>